

Д.Н.МАМИН-СИБИРЯК

АЛЁНУШКИНЫ
СКАЗКИ

Д

Д. Н. МАМИН-
СИБИРЯК

АЛЁНУШКИНЫ
СКАЗКИ

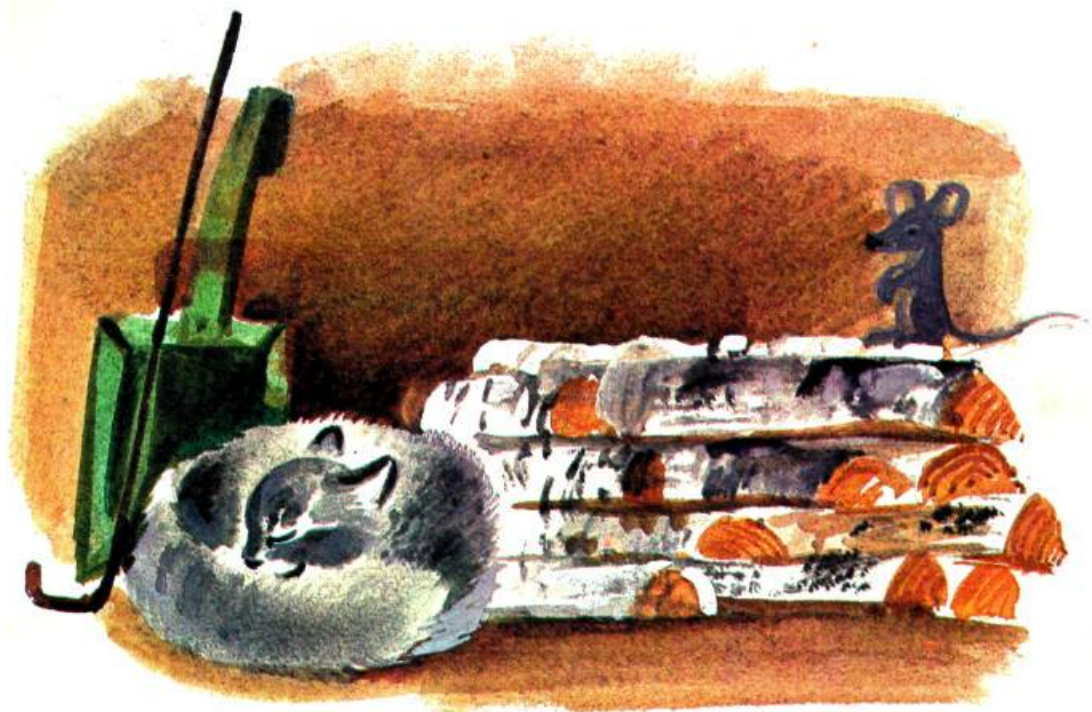

РИСУНКИ
Т. ВАСИЛЬЕВОЙ

МОСКВА
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
198 6

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2014г.

ПРИСКАЗКА

Баю-баю-баю...

Один глазок у Алёнушки спит, другой — смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое — слушает.

Спи, Алёнушка, спи, красавица, а папа будет рассказывать сказки. Кажется, все тут: и сибирский кот Васька, и лохматый деревенский пёс Пстойко, и серая Мышка-норушка, и Сверчок за печкой, и пестрый Скворец в клетке, и забияка Петух.

Спи, Алёнушка, сейчас сказка начинается. Вон уже в окно смотрит высокий месяц; вон косою заяц проковылял на своих валенках; волчьи глаза засветились жёлтыми огоньками; медведь Мишка сосёт свою лапу. Подлетел к самому окну старый Воробей, стучит носом о стекло и спрашивает: скоро ли? Все тут, все в сборе, и все ждут Алёнушкиной сказки.

Один глазок у Алёнушки спит, другой — смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое — слушает.

Баю-баю-баю...

СКАЗКА
про
КОМАРА
КОМАРОВИЧА-
ДЛИННЫЙ
НОС
и про
МОХНАТОГО
МИШУ-
КОРОТКИЙ
ХВОСТ

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в болото. Комар Комарович — длинный нос прикорнул под широкий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

— Ох, батюшки!., ой, карраул!..

Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

— Что случилось?.. Что вы орёте?

А комары летают, жужжат, пищат,— ничего разобрать нельзя.

— Ой, батюшки!.. Пришёл в наше болото медведь и завалился спать. Как лёг в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров, какдохнул — проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передал...

Комар Комарович — длинный нос сразу рассердился; рассердился и на медведя и на глупых комаров, которые пищали без толку.

— Эй, вы, перестаньте пищать! — крикнул он. — Вот я сейчас пойду и прогоню медведя... Очень просто! А вы орёте только напрасно...

Ещё сильнее рассердился Комар Комарович и полетел. Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили с испокон века, развалился и носом сопит, только свист идёт, точно кто на трубе играет. Вот бессовестная тварь!.. Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ да ещё спит так сладко!

— Эй, дядя, ты это куда забрался? — закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз — никого не видно, открыл другой глаз — едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

— Тебе что нужно, приятель? — заворчал Миша и тоже начал сердиться. Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит.

— Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!..

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно рассердился.

— Да что тебе нужно, негодная тварь? — зарычал он.

— Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю...
Вместе с шубой тебя съем.

Медведю сделалось смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

II

Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на всё болото:

— Ловко я напугал мохнатого Мишку... В другой раз не придёт.

Подивились комары и спрашивают:

— Ну, а сейчас-то медведь где?

— А не знаю, братцы... Сильно струсил, когда я ему сказал, что съем, если не уйдёт. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: съем. Боюсь, как бы он не околел со страху, пока я к вам летаю... Что же, сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили, как им быть с невежей медведем. Никогда ещё в болоте не было такого страшного шума. Пищали, жужжали и решили — выгнать медведя из болота.

— Пусть идёт к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше... Ещё отцы и деды наши вот в этом самом болоте жили.

Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя в покое: пусть его полежит, а когда выпится — сам уйдёт; но на неё все так накинулись, что бедная едва успела спрятаться.

— Идём, братцы! — кричал больше всех Комар Комарович. — Мы ему покажем... да!..

Полетели комары за Комар Комаровичем. Летят и пищат, даже самым страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

— Ну, я так и говорил: умер, бедняга, со страху! — хвастался Комар Комарович. Даже жаль немножко, вон какой здоровый медведище...

— Да он спит, братцы! — пропищал маленький комаришка, подлетевший к самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.

— Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный! — запищали все комары разом и подняли ужасный гвалт.— Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам спит как ни в чём не бывало...

А мохнатый Миша спит себе да носом посвистывает.

— Он притворяется, что спит! — крикнул Комар Комарович и полетел на медведя.— Вот я ему сейчас покажу... Эй, дядя, будет притворяться!

Как налетит Комар Комарович, как вопьётся своим длинным носом прямо в чёрный медвежий нос, Миша так и вскочил,— хватить лапой по носу, а Комар Комаровича как не бывало.

— Что, дядя, не понравилось? — пищит Комар Комарович.— Уходи, а то хуже будет... Я теперь не один, Комар Комарович — длинный нос, а прилетели со мной и бабушка, Комарище — длинный носище, и младший брат, Комаришко — длинный носишко! Уходи, дядя...

— А я не уйду! — закричал медведь, усаживаясь на задние лапы.— Я вас всех передавлю...

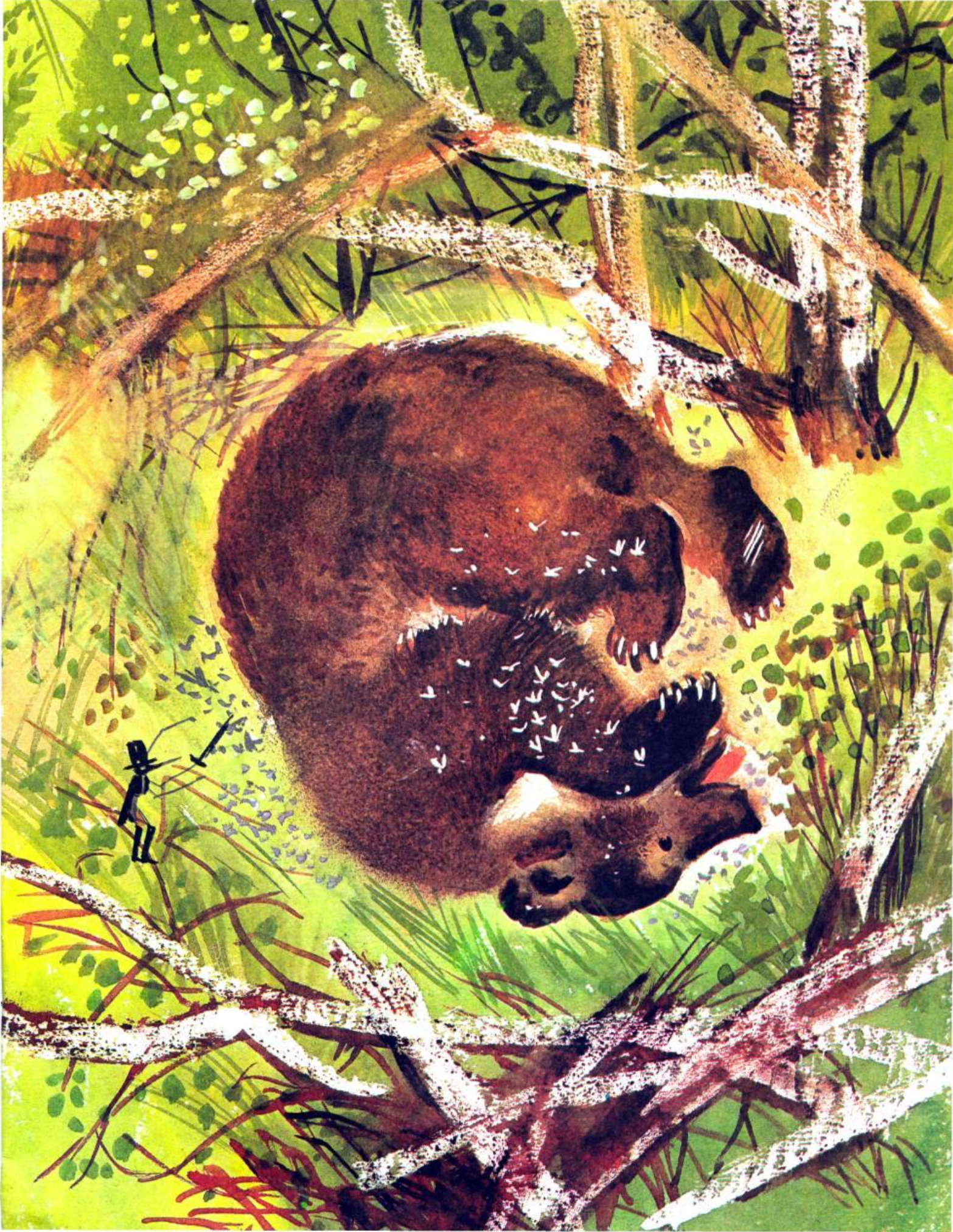
— Ой, дядя, напрасно хвастаешь...

Опять полетел Комар Комарович и впился медведю прямо в глаз. Заревел медведь от боли, хватил себя лапой по морде, и опять в лапе ничего, только чуть глаз себе не вырвал когтем. А Комар Комарович вьётся над самым медвежьим ухом и пищит:

— Я тебя съем, дядя...

III

Рассердился окончательно Миша. Выворотил он вместе с корнем целую берёзу и принялся колотить ею комаров. Так и ломит со всего плеча. Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет,— все выются над ним и пищат. Тогда схватил Миша тяжёлый камень и запустил им в комаров,— опять толку нет.

— Что, взял, дядя? — пищал Комар Комарович. — А я тебя всё-таки съем...

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рёв. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней выворотил!.. Всё ему хотелось зацепить первого Комар Комаровича, — ведь вот тут, над самым ухом, вьётся, а хватит медведь лапой, и опять ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел наконец Миша. Присел он на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку, — давай кататься по траве, чтоб передавить всё комариное царство. Катался, катался Миша, однако и из этого ничего не вышло, а только ещё больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох, — вышло того хуже. Комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

— Пойдите, вот я вам задам!.. — ревел он так, что за пять вёрст было слышно. — Я вам покажу штуку... я... я... я...

Отступили комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ревет:

— Ну-ка, подступитесь теперь ко мне... Все носы пообломаю!..

Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на медведя уже всем войском. Пищат, кружатся, лезут... Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся, да как сорвётся с сука, точно мешок... Однако поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

— Ну что, взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?.. Ещё тоньше рассмеялись комары, а Комар Комарович так и трубит:

— Я тебя съем... я тебя съем... съем... съем!..

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

Охота вам, Михайло Иваныч, беспокоить себя напрасно?.. Не обращайтесь вы на этих дрянных комаришек внимания. Не стоит.

— И то не стоит,— обрадовался медведь.— Я это так... Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я... я...

Как повернётся Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович длинный нос летит за ним, летит и кричит:

— Ой, братцы, держите! Убежит медведь... Держите!..

Собрались все комары, посоветовались и решили: «Не стоит! Пусть его уходит,- ведь болото-то осталось за нами!»

СКАЗКА
про
ВОРОБЬЯ
ВОРОБЕЙЧА,
ЕРША
ЕРШОВИЧА
и
ВЕСЁЛОГО
ТРУБОЧИСТА
ЯШУ

Воробей Воробейч и Ёрш Ершович жили в большой дружбе. Каждый день летом Воробей Воробейч прилетал к речке и кричал:

— Эй, брат, здравствуй!.. Как поживаешь?

Ничего, живём помаленьку,— отвечал Ёрш Ершович.— Иди ко мне в гости. У меня; брат, хорошо в глубоких местах... Вода стоит тихо, всякой водяной травки сколько хочешь. Угощу тебя лягушачьей икрой, червячками, водяными козявками...

Спасибо, брат! С удовольствием пошёл бы я к тебе в гости, да воды боюсь. Лучше уж ты прилетай ко мне в гости на крышу... Я тебя, брат, ягодами буду угощать,— у меня целый сад, а потом раздобудем и корочку хлебца, и овса, и сахару, и живого комарика. Ты ведь любишь сахар?

— Какой он?

— Белый такой...

— Как у нас гальки в реке?

— Ну вот. А возьмёшь в рот сладко. Твою гальку не съешь. Полетим сейчас на крышу?

— Нет, я не умею летать, да и задыхаюсь на воздухе. Вот лучше на воде поплаваем вместе. Я тебе всё покажу...

Воробей Воробеич пробовал заходить в воду,— по колена зайдёт, а дальше страшно делается. Так-то и утонуть можно! Напьётся Воробей Воробеич светлой речной водицы, а в жаркие дни покупается где-нибудь на мелком месте, почистит перышки и опять к себе на крышу. Вообще жили они дружно и любили поговорить о разных делах.

— Как это тебе не надоест в воде сидеть? — часто удивлялся Воробей Воробеич.— Мокро в воде,— ещё простудишься...

Ёрш Ершович удивлялся в свою очередь:

— Как тебе, брат, не надоест летать? Вон как жарко бывает на солнышке: как раз задохнёшься. А у меня всегда прохладно. Плавай себе, сколько хочешь. Небойсь летом все ко мне в воду лезут купаться... А на крышу кто к тебе пойдёт?

— И ещё как ходят, брат!.. У меня есть большой приятель — трубочист Яша. Он постоянно в гости ко мне приходит... И весёлый такой трубочист,— всё песни поёт. Чистит трубы, а сам напевает. Да ещё присядет на самый конёк отдохнуть, достанет хлебца и закусывает, а я крошки подбираю. Душа в душу живём. Я ведь тоже люблю повеселиться.

У друзей и неприятности были почти одинаковые. Например, зима: как зяб бедный Воробей Воробеич! Ух, какие холодные дни бывали! Кажется, вся душа готова вымерзнуть. Наохлится Воробей Воробеич, подберёт под себя ноги да и сидит. Одно только спасение — забраться куда-нибудь в трубу и немного погреться. Но и тут беда.

Раз Воробей Воробеич чуть-чуть не погиб благодаря своему лучшему другу — трубочисту. Пришёл трубочист да как спустит в трубу свою чугунную гирю с помелом,— чуть-чуть голову не проломил Воробью Воробеичу. Выскочил он из трубы весь в саже, хуже трубочиста, и сейчас браниться:

— Ты это что же, Яша, делаешь-то? Ведь этак можно и до смерти убить...

— А я почём же знал, что ты в трубе сидишь!

А будь вперёд осторожнее... Если бы я тебя чугунной гирей по голове стукнул,— разве это хорошо?

Ёршу Ёршовичу тоже по зимам приходилось несладко. Он забирался куда-нибудь поглубже в омут и там дремал по целым дням. И темно, и холодно, и не хочется шевелиться. Изредка он подплывал к проруби, когда звал Воробей Воробейч. Подлетит к проруби воды напиться и крикнет:

— Эй, Ёрш Ёршович, жив ли ты?

— Жив...- сонным голосом откликается Ёрш Ёршович.- Только всё спать хочется. Вообще скверно. У нас все спят.

И у нас тоже не лучше, брат! Что делать, приходится терпеть... Ух, какой злой ветер бывает!.. Тут, брат, не заснёшь... Я всё на одной ножке прыгаю, чтобы согреться. А люди смотрят и говорят: «Посмотрите, какой весёленький

воробушек!» Ах, только бы дожидаться тепла... Да ты уж опять, брат, спишь?..

А летом опять свои неприятности. Раз ястреб версты две гнался за Воробьем Воробеичем, и тот едва успел спрятаться в речной осоке.

— Ох, едва жив ушёл! — жаловался он Ершу Ершовичу, едва переводя дух.— Вот разбойник-то!.. Чуть-чуть не сцапал, а там бы — поминай как звали.

— Это вроде нашей щуки,— утешал Ёрш Ершович.— Я тоже недавно чуть-чуть не попал ей в пасть. Как бросится за мной, точно молния! А я выплыл с другими рыбками и думал, что в воде лежит полено, а как это полено бросится за мной... Для чего только эти щуки водятся? Удивляюсь и не могу понять...

— И я тоже... Знаешь, мне кажется, что ястреб когда-нибудь был щукой, а щука была ястребом. Одним словом, разбойники...

11

Да, так жили да поживали Воробей Воробеич и Ёрш Ершович, зябли по зимам, радовались летом; а весёлый трубочист Яша чистил свои трубы и попевал песенки. У каждого своё дело, свои радости и свои огорчения.

Однажды летом трубочист кончил свою работу и пошёл к речке смыть с себя сажу. Идёт да посвистывает, а тут слышит — страшный шум. Что такое случилось? А над рекой птицы так и вьются: и утки, и гуси, и ласточки, и бекасы, и вороны, и голуби. Все шумят, орут, хохочут — ничего не разберёшь.

— Эй, вы, что случилось? — крикнул трубочист.

— А вот и случилось...— чиликнула бойкая синичка.— Так смешно, так смешно!.. Посмотри, что наш Воробей Воробеич делает... Совсем взбесился.

Синичка засмеялась тоненьким-тоненьким голоском, вильнула хвостиком и взвилась над рекой.

Когда трубочист подошёл к реке, Воробей Воробеич так и налетел на него. А сам страшный такой: клюв раскрыт, глаза горят, все перышки стоят дыбом.

— Эй, Воробей Воробеич, ты это что, брат, шумишь тут? — спросил трубочист.

— Нет, я ему покажу!..— орал Воробей Воробеич, задыхаясь от ярости.— Он ещё не знает, каков я... Я ему покажу, проклятому Ершу Ершовичу! Он будет меня поминать, разбойник...

— Не слушай его! — крикнул трубочисту из воды Ёрш Ершович.— Всё-то он врёт...

— Я вру? — орал Воробей Воробеич.— А кто червяка нашёл? Я вру!.. Жирный такой червяк! Я его на берегу выкопал... Сколько трудился... Ну, схватил его и тащу домой, в своё гнездо. У меня семейство,— должен я корм носить... Только вспорхнул с червяком над рекой, а проклятый Ёрш Ершович,— чтоб его щука проглотила! — как крикнет: «Ястреб!» Я со страху крикнул,— червяк упал в воду, а Ёрш Ершович его и проглотил... Это называется врать?! И Ястреба никакого не было.

— Что же, я пошутил,— оправдывался Ёрш Ершович.— А червяк действительно был вкусный...

Около Ерша Ершовича собралась всякая рыба: плотва, караси, окуни, малявки — слушают и смеются.

Да, ловко пошутил Ёрш Ершович над старым приятелем! А ещё смешнее, как Воробей Воробеич вступил в драку с ним. Так и налетает, так и налетает, а взять ничего не может.

— Подавись ты моим червяком! — бранился Воробей Воробеич.— Я другого себе выкопаю... А обидно то, что Ёрш Ершович обманул меня и надо мной же ещё смеётся. А я его ещё к себе на крышу звал... Хорош приятель, нечего сказать. Вот и трубочист Яша то же скажет... Мы с ним тоже дружно живём и даже вместе закусываем иногда: он ест — я крошки подбираю.

— Постойте, братцы, это самое дело нужно рассудить,— заявил трубочист.— Дайте только мне сначала умыться... Я разберу ваше дело по совести. А ты, Воробей Воробеич, пока немного успокойся...

— Моё дело правое,— что же мне беспокоиться! — орал Воробей Воробеич.— А только я покажу Ершу Ершовичу, как со мной шутки шутить...

Трубочист присел на бережок, положил рядом на камешек узелок со своим обедом, вымыл руки и лицо и проговорил:

Ну, братцы, теперь будем суд судить... Ты, Ёрш Ершович, - рыба, а ты, Воробей Воробеич, - птица. Так я говорю? Так! так!..- закричали все: и птицы и рыбы.

Будем говорить дальше. Рыба должна жить в воде, а птица в воздухе. Так я говорю? Ну, вот... А червяк, например, живёт в земле. Хорошо. Теперь смотрите...

Трубочист развернул свой узелок, положил на камень кусок ржаного хлеба, из которого состоял весь его обед, и проговорил:

— Вот, смотрите: что это такое? Это хлеб. Я его заработал, и я его съем; съем и водицей запью. Так? Значит, пообедаю и никого не обижу. Рыба и птица тоже хочет пообедать... У вас, значит, своя пища. Зачем же ссориться? Воробей Воробеич откопал червячка, значит, он его заработал, и, значит, червяк — его...

— Позвольте, дяденька...— слышался в толпе птиц тоненький голосок.

Птицы раздвинулись и пустили вперёд Бекасика-песочника, который подошёл к самому трубочисту на своих тоненьких ножках.

— Дяденька, это неправда.

— Что неправда?

— Да червячка-то ведь я нашёл... Вон спросите уток,— они видели. Я его нашёл, а Воробей налетел и украл.

Трубочист смутился. Выходило совсем не то.

— Как же это так?..— бормотал он, собираясь с мыслями.— Эй, Воробей Воробеич, ты это что же, в самом деле, обманываешь?

— Это не я вру, а Бекас врёт. Он сговорился вместе с утками...

— Что-то не того, брат... гм... да! Конечно, червячок — пустяки; а только вот нехорошо красть. А кто украл, тот должен врать... Так я говорю? Да...

— Верно! Верно!..— хором крикнули опять все.— А ты всё-таки рассуди Ерша Ершовича с Воробьем Воробеичем. Кто у них прав?.. Оба шумели, оба дрались и подняли всех на ноги.

— Кто прав? Ах вы, озорники, Ёрш Ершович и Воробей Воробеич!.. Право, озорники. Я обоих вас и накажу для примера... Ну, живо миритесь, сейчас же!

— Верно! — крикнули все хором.— Пусть помиряются...

— А Бекасика-песочника, который трудился, добывая червячка, я накормлю крошками,— решил трубочист.— Все и будут довольны...

— Отлично! — опять крикнули все.

Трубочист уже протянул руку за хлебом, а его и нет. Пока трубочист рассуждал, Воробей Воробеич успел его стащить.

— Ах, разбойник! Ах, плут! — возмутились все рыбы и все птицы.

И все бросились в погоню за вором. Краюшка была тяжела, и Воробей Воробеич не мог далеко улететь с ней. Его догнали как раз над рекой. Бросились на вора большие и малые

птицы. Произошла настоящая свалка. Все так и рвут, только крошки летят в реку; а потом и краюшка полетела тоже в реку. Тут уж схватились за неё рыбы. Началась настоящая драка между рыбами и птицами. В крошки растерзали всю краюшку, и все крошки съели. Как есть ничего не осталось от краюшки. Когда краюшка была съедена, все опомнились и всем сделалось совестно. Гнались за вором Воробьем да по пути краденую краюшку и съели.

А весёлый трубочист Яша сидит на бережку, смотрит и смеётся. Уж очень смешно всё вышло... Все убежали от него, остался один только Бекасик-песочник.

— А ты что же не летишь за всеми? — спрашивает трубочист.

И я полетел бы, да ростом мал, дяденька. Как раз большие птицы заклюют...

Ну, вот так-то лучше будет, Бекасик. Оба остались мы с тобой без обеда. Видно, мало ещё поработали...

Пришла Алёнушка на бережок, стала спрашивать весёлого трубочиста Яшу, что случилось, и тоже смеялась.

Ах, какие они все глупые, и рыбки и птички. А я бы разделила всё и червячка и краюшку, и никто бы не ссорился. Недавно я разделила четыре яблока... Папа приносит четыре яблока и говорит: «Раздели пополам,— мне и Лизе». Я и разделила на три части: одно яблоко дала папе, другое — Лизе, а два взяла себе.

ПРИТЧА

О МОЛОЧКЕ, ОВСЯНОЙ КАШКЕ И СЕРОМ КОТИШКЕ МУРКЕ

Как хотите, а это было удивительно! А удивительнее всего было то, что это повторялось каждый день. Да, как поставят на плиту в кухне горшочек с молоком и глиняную кастрюльку с овсяной кашей, так и начнётся. Сначала стоят как будто и ничего, а потом и начинается разговор:

— Я — Молочко...

— А я — овсяная Кашка...

Сначала разговор идёт тихонько, шёпотом, а потом Кашка и Молочко начинают постепенно горячиться.

— Я — Молочко!

— А я — овсяная Кашка!

Кашку прикрывали сверху глиняной крышкой, и она ворчала в своей кастрюле, как старушка. А когда начинала сердиться, то всплывал наверху пузырь, лопался и говорил:

— А я всё-таки овсяная Кашка... пум!

Молочку это хвастовство казалось ужасно обидным. Скажите, пожалуйста, какая невидаль — какая-то овсяная каша! Молочко начинало горячиться, поднималось пеной и старалось вылезти из своего горшочка. Чуть кухарка не досмот-

рит, глядит — Молочко и полилось на горячую плиту.

— Ах, уж это мне Молочко! — жаловалась каждый раз кухарка.— Чуть-чуть не досмотришь,— оно и убежит.

— Что же мне делать, если у меня такой вспыльчивый характер!— оправдывалось Молочко.— Я и само не радо, когда сержусь. А тут ещё Кашка постоянно хвастается: я — Кашка, я — Кашка, я — Кашка... Сидит у себя в кастрюльке и ворчит; ну, я и рассержусь.

Дело иногда доходило до того, что и Кашка убегала из кастрюльки, несмотря на свою крышку,— так и поползёт на плиту, а сама всё повторяет:

— А я — Кашка! Кашка! Кашка... шшш!

Правда, что это случалось не часто, но всё-таки случилось, и кухарка в отчаянии повторяла который раз:

— Уж эта мне Кашка!.. И что ей не сидится в кастрюльке, просто удивительно!..

II

Кухарка вообще довольно часто волновалась. Да и было достаточно разных причин для такого волнения... Например, чего стоил один кот Мурка! Заметьте, что это был очень красивый кот, и кухарка его очень любила. Каждое утро начиналось с того, что Мурка ходил по пятам за кухаркой и мяукал таким жалобным голосом, что, кажется, не выдержало бы каменное сердце.

— Вот-то ненасытная утроба! — удивлялась кухарка, отгоняя кота.— Сколько вчера ты одной печёнки съел?

— Так ведь то было вчера! — удивлялся, в свою очередь, Мурка.— А сегодня я опять хочу есть... Мяу-у!..

— Ловил бы мышей и ел, лентяй.

— Да, хорошо это говорить, а попробовала бы сама поймать хоть одну мышь,— оправдывался Мурка.— Впрочем, кажется, я достаточно стараюсь... Например, на прошлой неделе кто поймал мышонка? А от кого у меня по всему носу царапина? Вот какую было крысу поймал, а она сама мне в нос вцепилась... Ведь это только легко говорить: лови мышей!

Наевшись печёнки, Мурка усаживался где-нибудь у печки, где было потеплее, закрывал глаза и сладко дремал.

— Видишь, до чего наелся! — удивлялась кухарка. — И глаза зажмурил, лежебок... И всё подавай ему мяса!

— Ведь я не монах, чтобы не есть мяса, — оправдывался Мурка, открывая всего один глаз. — Потом я и рыбки люблю покушать... Даже очень приятно съесть рыбку. Я до сих пор не могу сказать, что лучше: печёнка или рыба. Из вежливости я ем то и другое... Если бы я был человеком, то непременно был бы рыбаком или разносчиком, который нам носит печёнку. Я кормил бы до отвала всех котов на свете и сам бы был всегда сыт...

Наевшись, Мурка любил заняться разными посторонними предметами, для собственного развлечения. Отчего, например, не посидеть часика два на окне, где висела клетка со скворцом? Очень приятно посмотреть, как прыгает глупая птица.

— Я тебя знаю, старый плут! — кричит Скворец сверху.— Нечего смотреть на меня...

— А если мне хочется познакомиться с тобой?

— Знаю я, как ты знакомишься... Кто недавно съел настоящего, живого воробышка? У, противный!..

— Нисколько не противный,— даже наоборот. Меня все любят... Иди ко мне, я сказочку расскажу.

— Ах, плут... Нечего сказать, хороший сказочник! Я видел, как ты рассказывал свои сказочки жареному цыплёнку, которого стащил в кухне. Хорош!

— Как знаешь, а я для твоего же удовольствия говорю. Что касается жареного цыплёнка, то я его действительно съел; но ведь он уже никуда всё равно не годился.

Ш

Между прочим, Мурка каждое утро садился у топившейся плиты и терпеливо слушал, как ссорятся Молочко и Кашка. Он никак не мог понять, в чём тут дело, и только моргал.

— Я — Молочко.

— Я — Кашка! Кашка-Кашка-кашшшш...

— Нет, не понимаю! Решительно ничего не понимаю,— говорил Мурка.— Из-за чего сердятся? Например, если я буду повторять: я — кот, я — кот, кот, кот... Разве кому-нибудь будет обидно?.. Нет, не понимаю... Впрочем, должен сознаться, что я предпочитаю молочко, особенно когда оно не сердится.

Как-то Молочко и Кашка особенно горячо ссорились; ссорились до того, что наполовину вылились на плиту, причём подняли ужасный чад. Прибежала кухарка и только всплеснула руками.

— Ну, что я теперь буду делать? — жаловалась она,

отставляя с плиты Молочко и Кашку.— Нельзя отвернуться...

Отставив Молочко и Кашку, кухарка ушла на рынок за провизией. Мурка этим сейчас же воспользовался. Он подсел к Молочку, подул на него и проговорил:

— Пожалуйста, не сердитесь, Молочко...

Молочко заметно начало успокаиваться. Мурка обошёл его кругом, ещё раз подул, расправил усы и проговорил совсем ласково:

— Вот что, господа... Ссориться вообще нехорошо. Да.

Выберите меня мировым судьёй, и я сейчас же разберу ваше дело...

Сидевший в щели чёрный Таракан даже поперхнулся от смеха: «Вот так мировой судья... Ха-ха! Ах, старый плут, что только и придумает!..» Но Молочко и Кашка были рады, что их ссору, наконец, разберут. Они сами даже не умели рассказать, в чём дело и из-за чего они спорили.

— Хорошо, хорошо, я всё разберу,— говорил кот Мурка.— Я уж не покривлю душой... Ну, начнём с Молочка.

Он обошёл несколько раз горшочек с Молочком, попробовал его лапкой, подул на Молочко сверху и начал лакать.

Батюшки! Караул! закричал Таракан.— Он всё молоко вылакает, а подумают на меня.

Когда вернулась с рынка кухарка ихватилаь молока, горшочек был пуст. Кот Мурка спал у самой печки сладким сном как ни в чём не бывало.

Ах ты, негодный! бранила его кухарка, хватая за ухо.— Кто выпил молоко, сказывай?

Как ни было больно, но Мурка притворился, что ничего не понимает и не умеет говорить. Когда его выбросили за дверь, он встряхнулся, облизал помятую шерсть, расправил хвост и проговорил:

Если бы я был кухаркой, так все коты с утра до ночи только бы и делали, что пили молоко. Впрочем, я не сержусь на свою кухарку, потому что она этого не понимает...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Для дошкольного возраста

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

АЛЁНУШКИНЫ СКАЗКИ

ИБ № 10046

Ответственный редактор **Н. А. Терехова**. Художественный редактор **А. Б. Сапрыгина**. Технический редактор **И. П. Савенкова**. Корректор **Т. А. Стадольникова**.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 07.04.86. Формат 60X90'/а. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4. Усл. кр.-отт. 18,0. Уч.-изд. л. 3,35. Тираж 2000000 экз. (2-й завод 1 000 001-2 000 000 экз.). Заказ № 3205. Цена 30 коп.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Орден Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Рославполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

